

талантом, неукротимым темпераментом и силой воздействия на народные массы Иоанн Златоуст, гневно бичевавший пороки языческой знати и растленность языческой морали²⁰. В поэзии того времени причудливо сочетается христианское содержание с эллинской, классической формой, что нашло отражение в гимнах Синесия, эпиграммах Паллада, Григория Назианзина, Павла Силенциария, в эпической поэзии Нонна Панополитанского. Постепенно все большее влияние на умы современников приобретали христианские философы, риторы, поэты, и прежде всего Василий Кесарийский, Григорий Нисский и Григорий Назианзин. Их творчество — яркий пример сочетания христианского богословия с классической образованностью. В VI в. появляется такой выдающийся поэт, гимнограф и музыкант, как Роман Сладкопевец, черпавший свое вдохновение из народного творчества. Его поэзия оказала огромное влияние на всю византийскую гимнографию последующего времени²¹. Интеллектуальный авторитет этих видных представителей философско-богословской мысли и творческой интеллигенции был в ранней Византии достаточно высок, и влияние их распространялось в совершенно различных социальных кругах византийского общества²².

АВТОРИТЕТ И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ

Несколько кратких экскурсов из истории средневековой Италии позволят, как нам кажется, представить как многообразие, так и изменчивость содержания понятий «власть» и «авторитет», их взаимосвязь и взаимообусловленность на разных этапах исторического развития страны, в разной социальной и политической среде.

Законодательство лангобардских королей — эдикты Ротари, Гримальда, Лиутпранда, Ратхиса, Айстульфа²³ — уделяет первостепенное внимание сохранению и упрочнению авторитета королевской власти среди подданных, в том числе и среди свободных лангобардов. Главной опорой лангобардских королей в их нередком противоборстве с герцогами была служивая знать: управители королевских имений — гастальды, высший слой дружинников — газинды, королевские судьи и другие представители королевской администрации, военачальники. В их глазах короли и обладали прежде всего авторитетом. Вместе с тем в VII — середине VIII в. основная масса свободных лангобардов продолжала быть воинами и обладала политическими правами, главным из которых было участие в общем собрании всего племенного союза, которое выбирало королей, обсуждало и издавало законы. Тем самым основная масса свободных лангобардов в той или иной степени также продолжала быть опорой королевской власти, и в их глазах королевская власть была авторитетна, хотя, как мы увидим, этот авторитет постепенно падал и нуждался в его «подкреплении» методами принуждения. Римляне, будучи подчиненным населением, в этот начальный период к решению общегосударственных вопросов не допускались. Впрочем, дискуссии об их реальном статусе в государстве лангобардов и времени возобновления их участия в политической жизни продолжают. По мере феодализации общества, роста имущественной и социальной дифференциации свободного населения сокращались и политические права большинства свободных лангобардов: постепенно на первый план выдвигалось местное собрание сотни — *gairèthin*, функ-

²⁰ Культура Византии, т. 1, с. 331—357. Литература — там же, с. 698—699.

²¹ Культура Византии, т. 1, с. 272—330; *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; *Он же.* На перекрестке литературных традиций: (Византийская литература: истоки и творческие принципы). — Вопросы литературы, 1973, № 2. Литературу см.: Культура Византии, т. 1, с. 697—698.

²² *Удальцова В. В.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры. — ВВ, 1980, 41, с. 46—67.

²³ *Beyerle F.* Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947; *cp.: Bognetti G. P.* Longobardi e romani. — In: *L'età longobarda*. Milano, 1966, I; *Leicht P. S.* Storia del diritto Italiano: Il diritto pubblico. Milano, 1950, p. 67—124.